

Иван Иванович Янжул

**Воспоминания И.И. Янжула о
пережитом и виденном в
1864-1909 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я61

Я61 **Янжул И.**
Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг / Иван
Иванович Янжул – М.: Книга по Требованию, 2026. – 195 с.

ISBN 978-5-521-39729-7

ISBN 978-5-521-39729-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

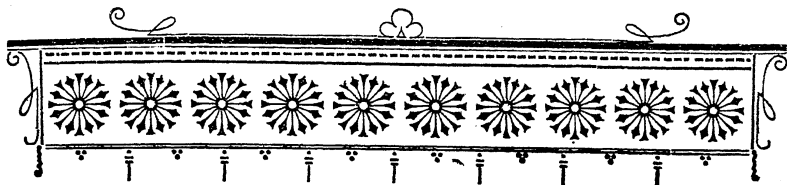
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).

Не безъ нѣкотораго смущенія приступаю я къ описанію главнѣйшихъ событій моей жизни и дѣятельности — всего пережитого и видѣннаго, хорошаго и дурнаго, исторически замѣчательнаго и только для меня лишь лично интереснаго, серьезнаго и забавнаго, грустнаго и пріятнаго... Всѣ при этомъ разнообразныя воспоминанія, здѣсь излагаемыя, опираются на одинъ и тотъ же важнѣйшій источникъ — *память*, поскольку на ней запечатлѣлись событія и факты жизни. Къ сожалѣнію, я никогда не велъ дневниковъ или записокъ и поэтому единственной помощью для памяти является въ данномъ случаѣ переписка, какъ мои уцѣлѣвшія и тщательно собранныя письма, особенно письма моей жены, цѣликомъ сбереженныя заботливой рукой любящей матери, — такъ наконецъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, подходящія чужія письма, большею частью для иллюстрацій и дополненій къ описываемымъ событіямъ и приключеніямъ. Вотъ и весь почти наличный матеріалъ для настоящихъ моихъ записокъ.

Сохраненію въ памяти многихъ даже мелкихъ событій за продолжительный періодъ моей жизни много способствовало, впрочемъ, то обстоятельство, что мнѣ уже приходилось заниматься и писать свою біографію, правда, въ очень сжатомъ и сокращенномъ видѣ, не менѣе четырехъ разъ для разныхъ русскихъ и иностранныхъ словарей, энциклопедій и затѣмъ два раза съ особыми цѣлями и для специальныхъ изданій („Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни“ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ Москва 1903 г., и изъ „Воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г.).

Въ виду всѣхъ объясненныхъ причинъ я начинаю изложеніе моихъ настоящихъ мемуаровъ лишь съ 1864 г., года поступленія моего (юношей 18-ти лѣтъ) въ Московскій университетъ, по окончаніи курса въ Рязанской гимназіи весной того же года. Считаю, впрочемъ, долгомъ сдѣлать еще одну, можетъ быть не безполезную, оговорку: существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что за длинный періодъ чьей-либо жизни довольно трудно сохранить должную безпристрастность и объективность при описаніи знакомыхъ и вообще дѣйствующихъ лицъ... всегда-де при описаніи несимпатичныхъ автору мемуаровъ лицъ или событій замѣчается, говорятъ, стремленіе отступитъ отъ истины и изобразить дѣло или самыхъ лицъ болѣе или менѣе въ ложномъ свѣтѣ. Рассказываютъ, напримѣръ, про известнаго писателя *Ал. Теофилакта Писемскаго*, что на чей-то вопросъ, почему онъ не пишетъ и не издаетъ своихъ воспоминаній, изъ его разнообразной интересной жизни и при обладаніи большимъ даромъ наблюдательности, Писемскій, будто бы, рѣшительно отвѣчалъ: „не могу, душа моя, непременно навру... нѣсколько разъ уже пробовалъ изображать письменно собственную жизнь и каждый разъ чувствовалъ, что чѣмъ больше пишу, тѣмъ больше сочиняю и фантазирую“!!!!.

Если этотъ анекдотъ не составляетъ выдумки, и если только почтенный авторъ „Тысячи Душъ“, „Горькой Судьбины“ и проч. не преувеличилъ своего, ради краснаго слова, свойства отступать отъ истины, то во всякомъ случаѣ оно составляетъ лишь особенность Писемскаго, можетъ быть даже вызванную самой профессіей романиста и необходимостью прибѣгать часто къ фантазіи въ изображеніи истинныхъ событій своей жизни подъ вымышленными именами Юна-Пинника, Тюфяка и проч. Нѣтъ сомнѣнія, каждый добросовѣстный бытописатель, знакомящій читателя серьезнаго органа печати съ фактами своей дѣйствительной жизни, а не сочиняющій обыкновенный романъ, не позволитъ себѣ отступитъ отъ строгой правды въ изложеніи событій жизни, какъ ихъ сохранила его память... Всякія неточности или неправильности при передачѣ біографіи возможны здѣсь въ той же мѣрѣ и по той же причинѣ, какъ и при устномъ и личномъ разсказѣ и бесѣдѣ; рѣдкія погрѣшности или заблужденія памяти, когда авторъ, какъ было упомянуто раньше, владѣетъ отчасти письменнымъ матеріаломъ и опытомъ въ біографическихъ описаніяхъ, возможны исключительно по маловажнымъ поводамъ, вродѣ какой-нибудь даты, времени какого-либо свиданія или разговора и т. п., а не событія или факта самого по себѣ.

Такимъ образомъ, поставивши себѣ за правило лишь точную передачу въ изложеніи всѣхъ важныхъ событій моей жизни въ той

мёрѣ, какъ ихъ сберегла моя память, постараюсь съ полною откровенностью относиться въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ одинаково объективно и безпристрастно и къ фактамъ и къ лицамъ, насколько это зависитъ отъ моихъ личныхъ усилій. При этомъ я совершенно опускаю событія моей жизни до поступленія въ университетъ, въ виду того, что они изложены были подробно раньше, какъ я говорилъ въ „Вѣстникѣ Воспитаія“, а равно сокращая по возможности изложеніе всѣхъ событій, связанныхъ съ моею должностію московскаго фабричнаго инспектора (отъ 1882—1887 г.г.). На этомъ же основаніи вся учебная часть и сторона моей жизни въ университетѣ, не имѣющая спеціальнаго интереса для общаго читателя, будетъ сокращена до возможнаго минимума, а равно и изложеніе судьбы нашего рабочаго и фабричнаго законодательства, съ которымъ я нѣсколько разъ въ жизни соприкасался и усердно работалъ.

Г Л А В А I.

Московскій университетъ.

Условное поступленіе въ 1864 г. на историко-филологическій факультетъ.—Несчастія и неудачи перваго года.—Смерть отца.—Продолжительная борьба съ нуждой.—Горькій опытъ жизни.—Оставленіе на первомъ курсѣ.—Исключеніе изъ университета за невзносъ платы. — Урокъ въ отъѣздъ (въ г. Ржевъ) съ окончательнымъ переходомъ на юридическій факультетъ.—Мое житіе на урокъ.—Кеттле и отецъ Дмитрій.—Статистическая разработка Ржевскихъ церковныхъ книгъ.—Увлеченіе закономѣрностью социальныхъ явленій и мечты.—Успѣхъ экзаменовъ и двойныя неудачи съ проф. И. К. Бабстомъ.—Студенческая жизнь въ Москвѣ (1865—1867 гг.).—Поворотъ къ худшему съ 3-го курса, кутежъ и бездѣлье. — Значеніе товарищества. — Выдающіеся профессора.—Окончаніе университета и зачисленіе въ кандидаты на судебныя должности при прокурорѣ М. Ф. Громницкомъ. — Проф. Э. В. Мильгаузенъ и мое оставленіе при Московскомъ университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ.

Окончивши въ маѣ 1864 г. полный курсъ Рязанской дореформенной 7-ми классной гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, въ качествѣ перваго ученика за все время ученія, я едва не получилъ медали и лишился ея только по случайнымъ, описаннымъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ Дѣтства“ поводамъ и несчастному для меня стеченію обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ я получилъ право на поступленіе въ университетъ безъ дальнѣйшей провѣрки и экзамена, за исключеніемъ греческаго языка, если вздумаю поступить на историко-филологическій факультетъ. Между тѣмъ именно объ этомъ факультетѣ и занятіи исторіей и древними языками — моими любимыми предметами, я наиболѣе всего мечталъ и въ гимназіи приватнымъ образомъ бралъ уроки греческаго языка и читалъ Анабазисъ. Очень можетъ быть, что мои знанія, какъ я послѣ слышалъ,

были бы почти достаточны, чтобы выдержать экзаменъ въ началѣ поступленія въ Московскій университетъ и обезпечить себѣ дальнѣйшее спокойствіе въ этомъ отношеніи, но я струсилъ и просилъ отложить, что часто дѣлалось, мой греческій экзаменъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда въ августѣ 1864 г. я подалъ въ университетъ соотвѣтствующее прошеніе съ приложеніемъ документовъ, то меня направили къ тогдашнему декану историко-филологическаго факультета, къ нашему почтенному историку *Серг. Мих. Соловьеву*, котораго я тутъ увидалъ первый разъ и отнесся, какъ совсѣмъ зеленый юноша, къ такой знаменитости съ особымъ благоговѣніемъ. Серг. Мих. объяснилъ на мою письменную просьбу, сопровождаемую словесными дополненіями, что никакого особаго экзамена изъ греческаго языка позднѣ августа мнѣ не можетъ быть назначено и не будетъ. Обычный способъ, принятый въ университетѣ въ подобныхъ моемъ случаяхъ, и который мнѣ можетъ быть разрѣшенъ, это путь *условнаго зачисленія*. Я долженъ поступить немедленно на другой какой-нибудь факультетъ, кромѣ историко-филологическаго, напр., хоть на юридическій, ближайшій къ нему, а затѣмъ въ виду моего заявленія я буду допущенъ прямо къ экзаменамъ на филологическій факультетъ на второй курсъ и по выдержаніи ихъ, включая латинскій и греческій, буду переведенъ на вышеозначенный курсъ этого факультета. При этомъ я буду пользоваться одинаково съ филологами немедленно же свободнымъ доступомъ на ихъ лекціи и практическія занятія.

Разумѣется, мнѣ ничего не оставалось иного, какъ согласиться съ рѣшеніемъ маститаго декана. Я записался тотчасъ на юридическій факультетъ, получилъ билетъ и въ то же время право доступа на свободное посѣщеніе всѣхъ лекцій вмѣстѣ съ филологами. Вскорѣ, однако, явились непредвидѣнные обстоятельства, которыя совершенно измѣнили мои планы и дали другое направленіе и ходъ всей моей будущей жизни. Гимназистомъ я больше всего любилъ исторію и древніе языки; обратно съ моими товарищами, напр., я съ жаромъ занимался латинскимъ языкомъ, въ которомъ я достигъ въ свое время довольно большихъ успѣховъ; по всей вѣроятности изъ меня бы и вышелъ со временемъ специалистъ учитель или профессоръ по одному изъ этихъ предметовъ. Но вмѣсто того мнѣ пришлось—увы, отказаться отъ филологій и остаться навсегда съ юристами, куда я записался лишь временно до перваго экзамена. Здѣсь главной виной явились два обстоятельства, совершенно разнаго характера: во-первыхъ, сильная болѣзнь—возвратный или брюшной тифъ, который случился со мною осенью того же года и на нѣ-

сколько мѣсяцевъ оторвалъ меня отъ возможности всякихъ занятій и едва не унесъ на тотъ свѣтъ. Въ декабрѣ я нѣсколько оправился, началъ посѣщать лекціи филологическаго факультета и, къ своему ужасу, увидѣлъ ту огромную пропасть, которая образовалась для меня въ моихъ занятіяхъ, благодаря продолжительному отсутствію; особенно важны были пропуски для греческаго языка, изъ котораго я былъ слабѣе всего, и экзаменъ являлся для меня особенно серьезнымъ. Предстояло напречь усилія и усердно работать, чтобы нагнать товарищей и съ честью выдержать предстоящій въ маѣ экзаменъ, но тутъ какъ разъ съ начала слѣдующаго 1864 г. случилось событіе, которое разстроило мои планы и разбило въ прахъ мои филологическія мечтанія: въ моемъ настоящемъ возрастѣ и положеніи мнѣ особенно стыдно даже сознаться въ этой задержкѣ къ успѣшному ходу моихъ занятій, опредѣлившихъ все мое будущее: я тогда всего лишь 18-ти лѣтній мальчикъ по возрасту, довольно развитой и начитанный, но совершенно невинный по своимъ чувствамъ и мыслямъ, въ первый разъ сильнѣйшимъ образомъ влюбился. И это перевернуло вверхъ дномъ всю мою дальнѣйшую жизнь и судьбу.

Необходимы, однако, нѣкоторыя предварительныя объясненія о моемъ семейномъ положеніи и обстановкѣ, чтобы лучше понимать послѣдующее изложеніе моей біографіи. Я былъ сыномъ весьма бѣдныхъ родителей изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Отецъ мой, капитанъ Иванъ Гавриловичъ Янжулъ, вѣрой и правдой прослужившій въ военной службѣ около 25 лѣтъ, человѣкъ для своего времени довольно замѣчательный и образованный (былъ на двухъ факультетахъ въ Киевскомъ и Харьковскомъ университетахъ); у насъ было огромное семейство (не менѣе 8 человѣкъ живыхъ дѣтей, не говоря о ранѣ умершихъ); я — одинъ изъ младшихъ; и позднѣе, даже къ описанному періоду оставалось не менѣе 6 человѣкъ. Отецъ, и особенно мать, изъ кожи лѣзли дать намъ всѣмъ приличное образованіе. Между тѣмъ матеріальное положеніе семьи было довольно незавидно: отецъ за большую рану во время турецкой войны, въ которой участвовалъ, получалъ пенсію въ 700 р. асс., а мать владѣла небольшимъ, сто съ чѣмъ-то десятинъ, имѣніемъ въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ. Когда мы начали подростать и понадобилось намъ подыскивать учителей и учебныя заведенія, и для этого порядочныя средства, то выяснилось, что дальше жить въ деревнѣ невозможно и лишь съ трудомъ, кое-какъ, опредѣлили старшихъ сестеръ въ институтъ и пансіоны. Отцу пришлось оставить мѣсто по дворянскимъ выборамъ старшаго засѣдателя, которое онъ занималъ въ г. Коломнѣ и, продавши

имѣннице матерн, переселиться въ Москву въ поискахъ лучшаго будущаго для дѣтей и себя.

Переселеніе нашего семейства въ Москву, что совершилось въ моемъ отсутствіи въ Рязани, гдѣ я обучался, не принесло, однако, ничего хорошаго. Года два или около года отецъ не могъ найти себѣ рѣшительно никакого занятія и несмотря на свое, повторяю, сравнительное образованіе и способности, получалъ отовсюду отказы и издерживалъ свои небольшія средства, привезенныя изъ деревни. Нѣкоторой какъ бы передышкой явилась случайная должность смотрителя казенной дачи Студенецъ въ Обществѣ садоводства, которую онъ занималъ нѣсколько лѣтъ; но эта должность почему-то сама по себѣ исчезла или была закрыта или соединена съ какой-то новою обязанностию, доставшейся новому лицу, и наша семья стала опять бѣдствовать, пока отецъ не нашелъ совсѣмъ скудно вознаграждаемую должность и непріятное занятіе надзирателя извѣстнаго въ Москвѣ Юсупова Дома или надзирателя „Работнаго Дома для лицъ просящихъ милостыню“. Должность эта давала совсѣмъ ничтожное жалованье, что-то около 20 р. въ мѣсяцъ и небольшую казенную квартиру. Тифъ свилъ себѣ постоянное гнѣздо въ этомъ неблагоустроенномъ тогда общественномъ учрежденіи, благодаря чему и всѣ члены семейства переболѣли тамъ жесточайшимъ образомъ, и затѣмъ въ апрѣлѣ 1864 г., какъ разъ наканунѣ моего окончанія въ гимназій, умерла отъ этой же болѣзни моя мать, а ровно черезъ годъ и мой отецъ, до болѣзни котораго я выздоровѣлъ всего лишь за 3—4 мѣсяца. Но домъ былъ полонъ больныхъ почти постоянно въ лицѣ моихъ сестеръ.

Само собой разумѣется, что при такой обстановкѣ и крайней нуждѣ часто въ простомъ обѣдѣ, я не могъ успѣшно заниматься греческимъ языкомъ, столь для меня важнымъ; но тутъ подошло другое вышеупомянутое мною событіе, которое еще болѣе разстроило правильный ходъ моихъ занятій; въ предшествовавшее лѣто сестра моя, нынѣ уже давно умершая, Евгенія, мною особенно любимая, какъ сверстница моихъ дѣтскихъ игръ, получила приглашеніе погостить въ деревнѣ у одной тетки Авдуловой, въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ., гдѣ была для нея подруга въ лицѣ двоюродной или троюродной сестры. Я захотѣлъ ее проводить и по приглашенію доброй тетуски также остался временно на ея хлѣбахъ, утѣшаясь деревенскими удовольствіями. Въ это именно время я имѣлъ несчастье въ деревнѣ встрѣтить одну молодую дѣвицу, соотвѣтствующаго юнаго возраста, нѣкую В. В., знакомство съ которою составило самую несчастную страницу моей жизни: я страстно и

слѣпо, какъ можетъ только, вѣроятно, юноша, влюбился въ нее и забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

Въ качествѣ человѣка далекаго отъ желанія преувеличивать и стоя только на почвѣ правды, я не могу рѣшительно отвѣтить, были ли мои чувства къ ней обычны въ этомъ возрастѣ или нѣтъ, могу лишь сказать, что теперь даже черезъ 50 лѣтъ я не могу безъ душевнаго страданія вспомнить, что я тогда испытывалъ; всѣ занятія и науки у меня, чрезвычайно прилежнаго юноши, съ блескомъ шедшаго въ гимназіи, вылетѣли изъ головы, и я не въ состояніи былъ владѣть собой. Даже смерть матери меня не отрезвила, и на ея похоронахъ я почти не плакалъ, весь поглощенный мыслію о своей несчастной любви. Какъ разъ зимой 64—65 г.г., вскорѣ послѣ моей продолжительной и жестокой болѣзни, появилась въ Москвѣ эта фатальная для меня личность В. В. Греческій языкъ пошелъ на смарку, и я пересталъ надъ чѣмъ-либо работать и ничего не могъ сдѣлать надъ собой, несмотря на сильную волю, которой славился между товарищами и дѣйствительно, повидимому, обладалъ; напр., еще въ гимназіи захотѣлъ и выучился въ 3 мѣсяца англійскому языку 13-лѣтнимъ мальчикомъ. Пользуясь знакомствомъ и близостью къ моимъ сестрамъ, В. В. бывала у насъ довольно часто, когда только бывало возможно и, кокетничая со мной, съ несчастнымъ мальчикомъ, она въ то же время устроила обширную и весьма выгодную атаку на сердце одного купеческаго дурня и большого миллионера Т. Увѣряя меня постоянно въ любви, она въ то же время такъ успѣшно, съ помощью и указаніемъ своей старшей сестры, вела свою марьяжную игру съ этимъ купцомъ, что черезъ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца она исчезла временно изъ Москвы и, какъ мы узнали стороною, чуть ли не изъ газетъ, сдѣлалась женой этого крупнаго капиталиста, несчастье котораго также составила: черезъ нѣсколько лѣтъ ея замужество кончилось огромнымъ скандаломъ, о которомъ оповѣстили всѣ газеты: она съ громомъ и шумомъ сначала развелась съ мужемъ, а затѣмъ затѣяла при помощи знакомыхъ адвокатовъ процессъ и едва не засадила своего бывшаго мужа и его матушку за лжесвидѣтельство и пр. въ тюрьму, но за то, конечно, и лишилась всего состоянія, пріобрѣтеннаго замужествомъ и новымъ положеніемъ, и сдѣлалась прямо авантюристкой.

Весной 1865 г. отъ того же ужаснаго тифа, господствовавшего въ Юсуповомъ Домѣ невозбранно, скончался мой отецъ послѣ продолжительной и тщетной борьбы съ жизнью, оставивши меня съ двумя малолѣтними сестрами на рукахъ и лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и умѣнія зарабатывать себѣ хлѣбъ. Въ теченіе всего перваго года студенчества я не могъ добыть себѣ ни одного

урока и лишь какой-то несчастный переводъ, крайне неудачный. Сначала болѣзни, а затѣмъ описанное амурное дѣло и разбитое сердце мѣшали мнѣ думать и заниматься своимъ настоящимъ дѣломъ, между тѣмъ быстро приближалось время экзамена, а мнѣ въ буквальный смыслъ нечего было быть, и я распродалъ по частямъ то жалкое имущество, которое осталось послѣ отца, чтобы прокормить себя и своихъ сестреночъ.

Такимъ образомъ явилась настоятельная необходимость, на этотъ разъ вызванная тяжелыми условіями, отложить всѣ экзамены. Надо было устроить сначала такъ или иначе судьбу сестеръ и прискаты себѣ занятія. По правилу я явился къ ректору университета, тогда къ известному Сергѣю Ив. Баршеву, холодному и безчувственному формалисту. Когда я ему рассказалъ о моемъ тяжеломъ положеніи и о невозможности готовиться къ экзамену, который долженъ былъ начаться черезъ двѣ недѣли, профессоръ Баршевъ отнесся къ моему разсказу болѣе чѣмъ хладнокровно и спросилъ только: „А отца Вы похоронили?“ и на мой утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „ну чего вы въ такомъ случаѣ ко мнѣ лѣзете. Никакого основанія нѣтъ вамъ откладывать экзамены. Вотъ если бы вы обратились во время болѣзни и по болѣзни, тогда, можетъ быть, дѣло другое. Садитесь-ка лучше, заключить онъ, и пишите прошеніе объ оставленіи въ университетъ на второй годъ...“ Опѣшенный, сконфуженный и смущенный я сѣлъ и написалъ, что требовать отъ меня г. ректоръ, и такимъ образомъ остался на второй годъ въ Московскомъ университетѣ, числясь на юридическомъ факультетѣ, вмѣсто желаннаго историко-филологическаго.

Такимъ образомъ съ весны 1865 г., со смерти отца, началась моя самостоятельная жизнь въ худомъ смыслѣ этого слова, а именно я самъ долженъ былъ заботиться о пропитаніи, какъ самого себя, такъ и двухъ сестеръ, что, разумѣется, являлось для меня, при тогдашней моей полной неопытности и незрѣлости, весьма затруднительной задачей. При отсутствіи личной работы или занятій, единственнымъ средствомъ существованія для меня служила распродажа того небольшого, можно сказать, жалкаго имущества, которое осталось послѣ родителей, въ видѣ домашней мебели и утвари. Правда, отецъ получалъ незначительную пенсію въ 700 руб. ассигнаціями въ годъ, за большую рану, какъ военный (еще на русско-турецкой войнѣ 1829—1830 г.). Я началъ хлопотать о продолженіи ея для сестеръ, но мнѣ заранѣе объявили, что хлопоты надо считать многими мѣсяцами. По совѣту кого-то изъ близкихъ знакомыхъ часть оставшихся вещей обѣщали мнѣ устроить и распродать въ формѣ лоттерей, но это вышло еще хуже, чѣмъ прямая

распродажа: въ большинствѣ случаевъ я не получилъ ни денегъ, ни вещей... Для меня съ сестрами начались, тяжело вспомнить до сихъ поръ, истинныя бѣдствія отъ этой временной безработицы и нищеты... Наша нужда была такъ велика, что мы считали себя счастливыми, когда намъ присылали порцію обѣда изъ Работнаго Дома отъ стола заключенныхъ...

Наконецъ, сестеръ удалось устроить: старшую—Евгению, немного моложе меня, пригласили къ себѣ въ деревню, въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ., дядя съ теткой, у которыхъ она поселилась до поры до времени, занимаясь немного съ своими маленькими кузенами. Съ другой сестрой—Марьей, дѣвочкой 12 лѣтъ, мнѣ было гораздо труднѣе устроиться, и лишь благодаря вмѣшательству какихъ-то знакомыхъ удалось помѣстить, конечно временно, впредь до лучшаго, у одной богатой старой барыни, Бѣлавиной, гдѣ бѣдная дѣвочка присматривала за ея многочисленными и злыми собаченками и слушала воркотню старухи съ утра и до вечера... Позднѣе, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхала въ Москву съ мужемъ замужняя моя сестра Сибсарева и устроила дѣвочку на нѣсколько лѣтъ въ дѣтскій пріютъ, и такимъ образомъ я освободился отъ дальнѣйшихъ заботъ на время и могъ посвятить всѣ мои усилія на заботы о самомъ себѣ...

Въ концѣ мая отъ меня потребовали очистить казенную квартиру въ Юсуповомъ Домѣ, гдѣ я продолжалъ еще жить, а потому, размѣстивши уже сестеръ, перекочевалъ, въ первый разъ одинъ-одинешенекъ, послѣ крушенія моей семьи, на Патріаршіе Пруды, гдѣ тогда (вмѣстѣ съ Живодеркой и Грузинами) большею частію проживала (рядомъ съ цыганами) студенческая бѣдность... Въ это же время, несмотря на всѣ поиски и просьбы товарищей, вообще сочувственно относившихся къ моему трудному положенію, никакихъ ресурсовъ, въ видѣ уроковъ или иной вознаграждаемой работы, я никакъ не могъ найти... Помню, тщетно я послѣдніе гроши употреблялъ на публикаціи въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, ища какого угодно заработка и давая взятки газетнымъ разнощикамъ и наборщикамъ, чтобы они извѣщали меня раньше всѣхъ о спросѣ на трудъ... Изъ всѣхъ этихъ мѣръ ничего не выходило хорошаго: я оставался безъ заработка и задаромъ трепалъ свои старыя и безъ того дырявыя сапоги...

Можно сказать, что этимъ открылся или начался самый жестокий кризисъ и непріятнѣйшій періодъ въ моей жизни, въ буквальномъ смыслѣ слова — періодъ голодовки... Я распродалъ скоро рѣшительно все изъ моего имущества, что только можно было продавать, и заложилъ все, изъ болѣе необходимѣйшаго, что закладчики

принимали под залогъ, при чемъ, пользуясь моею неопытностью, меня, конечно, со всѣхъ сторонъ обманывали... Тѣмъ не менѣе, я долго не достигалъ ничего путнаго и не могъ выбиться изъ когтей злой нужды, не находя ни уроковъ, ни другой работы, а между тѣмъ я, какъ человѣкъ сильный физически отъ природы, несомнѣнно взялся бы, кажется, охотно за всякую даже физическую работу, которую стали бы вознаграждать и мнѣ предложили бы...

Цѣлое лѣто такимъ образомъ безъ опредѣленнаго занятія и средствъ для пропитанія я слонялся по опустѣвшей Москвѣ, откуда, какъ извѣстно, лѣтомъ выѣзжаетъ все, что только можетъ выхлѣсть... Я могъ платить только 5 руб. за квартиру въ мѣсяцъ и то рѣдко... добрые люди ждали отъ меня уплаты цѣлые мѣсяцы, совѣстясь и стѣняясь очень притѣснить или прогнать студента, тѣмъ болѣе, что на первой моей квартирѣ дочка моей хозяйки вышла незадолго замужъ за моего товарища-студента... Главный вопросъ поэтому заключался для меня не въ помѣщеніи, а продовольствіи, гдѣ и что поѣсть... Въ этотъ періодъ безденежья я обѣдалъ случайно и гдѣ возможно и во всякой формѣ., очень нерѣдко у товарищей, у того или другого, гдѣ было возможно получить бѣду, если не цѣлый обѣдъ. Нѣсколько недѣль мнѣ оказывалъ кредитъ одинъ мѣстный булочникъ, по рекомендаціи одного изъ друзей, французскими хлѣбами, которыми я и питался почти исключительно одно невеселое время, при чемъ съ товарищемъ, какъ-то раздѣлявшимся со мной тогда такую строгую діету воздержанія, утѣшались шуточками и прибаутками на темѣ извѣстнаго афоризма... „Науки юношей питаютъ, отъ раду старости даютъ...“ Отвѣтъ: „Питаютъ и даютъ!“

Послѣдній годъ пребыванія въ Рязанской гимназіи я имѣлъ годный урокъ у одного портного и, пользуясь этимъ, какъ бы въ предчувствіи будущихъ бѣдъ, занася у него въ кредитъ большимъ выборомъ носильнаго платья, которое въ данномъ случаѣ оказалось очень кстати, какъ объектъ залога, и помогало мнѣ частенько выходить изъ затрудненій, въ поискахъ за обѣдомъ... Я познакомился черезъ добрыхъ пріятелей весьма быстро, первый же годъ своего пребыванія въ университетѣ, съ извѣстѣйшимъ тогда студенческимъ закладчикомъ въ Москвѣ—Харлампіемъ Поліевктовичемъ Чистяковымъ, принимавшимъ въ закладъ рѣшительно все, начиная съ дырявыхъ носковъ и кончая золотыми часами и „материнскимъ благословеніемъ“, у кого изъ студентовъ таковое оказывалось, въ видѣ шейнаго образка или креста... Увы, мнѣ весьма рано и часто пришлось знакомиться съ этими финансовыми операціями, много раньше, чѣмъ я приступилъ въ томъ же университетѣ къ изученію моей будущей ученой специальности — финансо-